

ВСЛЕД ЗА АНГЛИЕЙ — ИТАЛИЯ.

Фот. Севзап. кино.

Итальянский поверенный в делах, маркиз Патерно-ди-Манки вручает замнаркоминвотдела М. М. Литвинову ноту о признании С.С.С.Р. Италией.

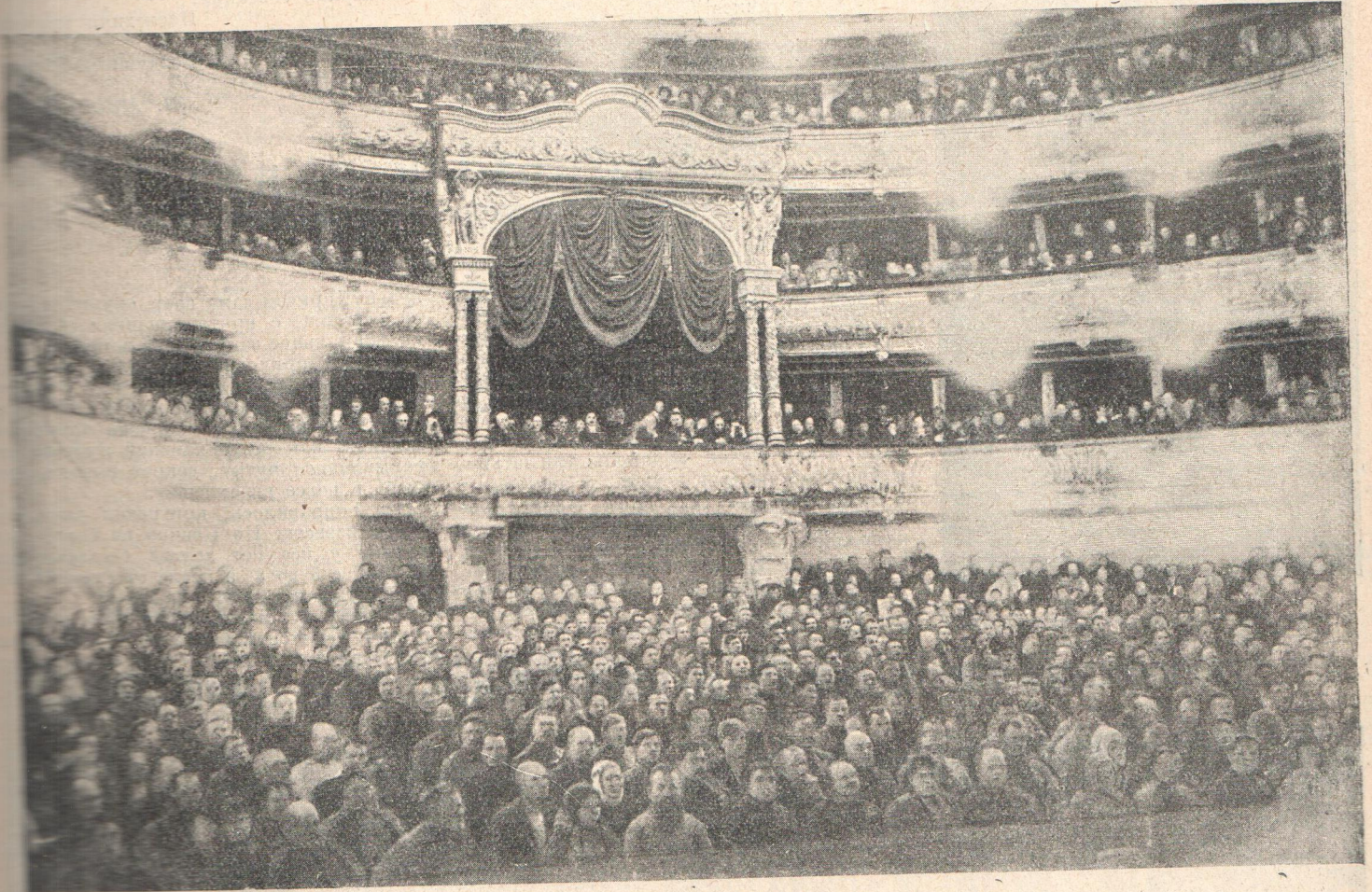
РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская. Вла-
дими́рская, 3. Тел. 4-81-03, 85-77 ЭКСПЕДИЦИЯ "Огонек". Т.
4-17 Тел. 41-34. Телег. аф. адрес: "Москва ОГОНЕК". Тариф
подписки: 1 страна — 40 черв., 1/4 стр. — 20 черв., 1/2 стр. — 10 черв.,
иностранная почта — в 1 коп. — 80 ч.-р. коп. На обложке — на 5%
дешевле. Среда текста — в 2 раза дор. Сверхтариф — 10% налога.

ОГОНЕК

7 черв. руб. Допускается рассрочка в 2 срока: до 1 января 3 руб. и в 3 срока (до 1 янв. 3 руб., до 1 марта 2 руб.
и до 1 июня 2 руб.) За границей — на 1 мес. — 1/2, доллары,
1 экз — 13 цент или в переводе на соотв. месяц. Взыскать.
Подписка на "Огонек" принимается во всех почт.-телегр.
учрежд. и во всех отделениях и агентствах Глосбанка.

Всесоюзный С'езд Советов.

Фот. Петра Оцуна.

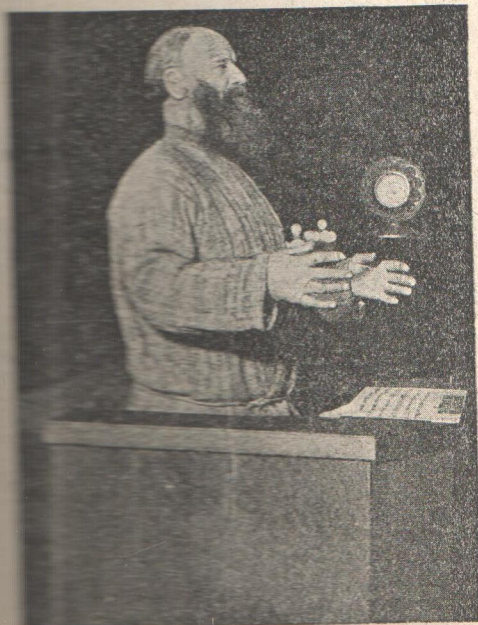
Общий вид залы заседания в Большом театре.

На Всесоюзном с'езде советов.

Фот. Петра Оцуна.

О развлечениях Европы.

Стихотворение Владимира Маяковского.

Владимир Маяковский.

Европа.
Город.
Глаза домищами шарили.
В глаза —
разноцветные капли:
на столбах
на версту
на миллионы ладов.
ЧАРЛИ

ЧАПЛИН!!!
Мягкий человечешко
из Лос-Анжелоса,
через океаны
раскатывает ролики
и каждый
у кого губы нашлось —
ржет до изнеможения
ржет до колик.

ЭКРАН!

Денди.
Туфлястый.
Огурцами огурятся!
— К чоргу!
Домища.
Груды стог!
Ужин.
Курица.
В морду курицей.

Мотоцикл.
Толпа.
Сыщик.
Свисток.

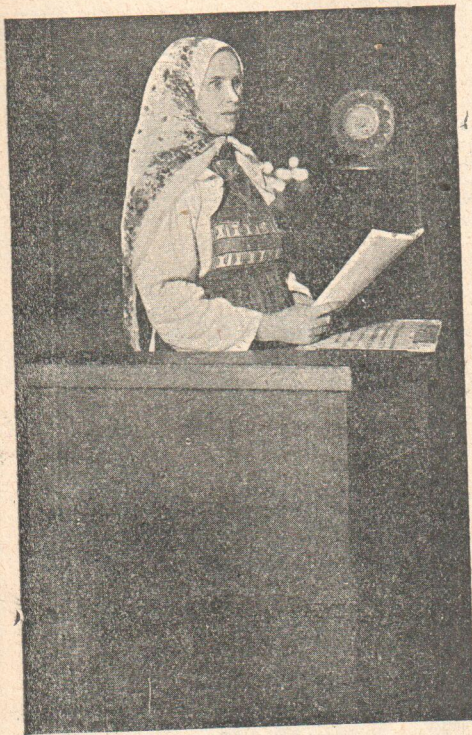
Лупит Шарло —
и в хвост,
и в гриву, —
Лупит Шарло
и в глаз, —
и в бровь.
Желе — подбородки трясутся игриво
Гогочет кино в миллион шиберов.
Молчи Европа!
Дура сквозная!
Мусьи —
заткните ваше орло!
Не вы
— Я уверен —
не вы
— Я знаю —
Над вами смеется товарищ Шарло.
Жирноживотые
лобузники
Европейцы —
На чем у вас пудры пыльца?!
Разве
эти
чаплинские усики

не все
что у Европы
осталось от лица?

Шарло
падают штаны гармоник.

На всесоюзном съезде советов.

Фот. Петра Оцпа

Крестьянка-делегатка съезда — на трибуне.

Как.
Котелочек около кока.
В издевке
твоя
камары ножки—
Европа фраков
и файф о клоков!
Кино заливаётся щиплемой девкой
Чарли
заехал
какой-то мисс!
Публика тише!
Над вами издевка.
Европа оплюйся
сядь
уймись!

Чаплин вайяй!
Марай соусами!

Будет:
не соусом,
будет:
не в фильме,
забитые встанут,
забитые сами,—
метлой
придут
мировыми милями.
А пока—
Мишке—
верти ручку!
Вой
allo!
Всемирная сенсация.
Шарло на крыльях.
Последняя штучка
Воздушный Шарло.

В. Маяковский.

Бубновый валет.

Рассказ Ильи Эренбурга.

Собственного говоря, во всем виновата гадалка Квачка. С утра ничего, как все, регистраторша в «Москвоточе», исходящие записывает мелкой вязью, и ссориться с товарищем Гузиным, который пайки выдает—кому к октябрьским праздникам по фунту мяса, а Квачке колбасы—без сомнения собачина. «Во» все доложу Исполному: и как Гузин карамель, три штуки, в брючный карман усунул, и как билет в Камерный дал курьерше Марусе вне очереди, только за некоторые стоянки в коридорчике, все, все открою». Словом, до четырех Квачка честная гражданка, и ничего такого не чувствуется. К вечеру же в ее комнатке начинается непотребное, а именно: Квачка за продукты открывает

судьбу, причем сама воеет, скулит, пляшет от избытка, с притоптыванием, несмотря на формальное запрещение домкома. Да комиссар приходил, важный, са... голову принес, а Квачка ему пакас пасказала: «опился керосином, все ну сгорит, а на ощупь станешь тоненький слизкий, как «американский житель», напыжишься чутку, декрет вывода, пнешь и вовсе издохнешь».

Не понравилось, пригрозил даже вверие извести. Но Квачка не боится, только у нее нет друзей бескорыстных (Гадает с 5 до 8, а после от гадания и чешки утешает).

Раньше гадала на гуще. Но всем известно—советский кофе не что иное,

Вновь избранный Центральный Исполнительный Комитет Съезда Советов СССР.

Фот. Петра Оцпа.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, избранный на последнем съезде Советов.

Всесоюзный съезд женщин-работниц.

Фот. А. Шапхета.

Доклад делегатки Всесоюзного съезда женщин-работниц.

Только что закончившийся всесоюзный съезд женщин—это смотр женщин, демонстрация их достижений за шесть с лишним лет Советской власти.

И съезд явился блестящей иллюстрацией этих достижений.

На съезде собрались работницы, крестьянки, интеллигентные труженицы из всех концов Великой Республики Советов: и из западных губерний, и из центра, и из Украины, и из Сибири и с Мусульманского востока—Туркестана, Азербейджана, Башкирии, Киргизии, Татарии, Дагестана, Ферганской области.

Свободная женщина в свободной Республике Советов—вот лозунг, который красной нитью проходил через все работы съезда.

В речах уже чувствуется твердая уверенность в себе, в своих силах, в умении справиться с поставленными задачами наравне с мужчинами.

Разъезжаются с новыми силами, с новой уверенностью в близости дня, когда женщина перестанет быть рабыней и займет равное с мужчинами место в политической и хозяйственной жизни.

А. Т.

Новые члены Совнаркома СССР.

Фот. Г. Иосса.

Ф. А. Рудзутак, вновь избранный Народным Комиссаром Путей Сообщения.

Новые члены Совнаркома СССР.

Фот. Г. Иосса.

Ф. Э. Дзержинский, председатель Высш. Сов. Нар. Хозяйства.

...на которые без извода, скромненько идет пол ложечки...
...и не Дуняша вовсе.
...Васе, Васеньке, Васильке. Ох, темная...
...и клятвы...
...ее сделать обещался. Как страшно

Ленинские дни. Киев.

Фот. Ввфку.

было, а Дуняша к бабке Шаболовской, что с гвоздем промышляет, не пошла, и сыночка в воспитательный не сбыва, а пристроила в Челицы, что под Серпуховым, и платила за него по два целковых в месяц. Девять лет Васе исполнилось, когда свела его Дуняша к парикмахеру Фердинанду, то есть к Трюхину-земляку. Не брить, конечно, а волосы заметать, и в субботу при стечении большом собственноручно мылить щеки, пока освободится мастер надлежащее соскрести.

Но кто попутал, а только чудные вещи заерзали в белобрисой голове. Недолго он мылил, а месяца три спустя к весне сбежал, ни Трюхину, ни матери слова не сказавши. Выла Дуняша, да так голосисто, что пришлось четыре места переменить. Ходила и на гулянья к Девичьему, и на богомолье к преподобному—не повстречала нигде. Притихла; но не смирилась. Где его найти. Встретит—и то не узнает. Вот отметка есть, так и та скрытая. Под левым соском у Васи большое родимое пятно, красное, точно бубен с карты. Дуняша просила даже Трифона, младшего дворника—«в бане ежели увидишь на груди бубен—тащи его—не иначе мой будет». Но охота ли Трифону ходить, глядеть, не его кровь, ведь Жив ли Вася. Может, как ставит свечу за здоровье, только душу его томит в небесах. Батюшка, отец Афанасий наставлял: не смущаться, молиться о здравии, и о победе христоролюбивого,

Ровно в 4 ч. у здания Губисполкома на Крещатике в день похорон В. И. Ленина.

Ленинские дни. Ялта.

Фот. Бендицкого.

Траурная демонстрация в Ялте в дни похорон В. И. Ленина.

ибо по годам должен быть Василий воином. А теперь то, не словил ли дьявол дитя несмыслящее, вот ведь сын лавочника—Перлова, бессеребрянника, трудничка божьего, стал,—господи ограда и помилуй,—большевином большущим, так когтями окаянными и загребает души.

Вот и вторая дума Дуняши, первой не легче, о нестроении страшном, о всех мытарствах церкви православной. Под самую душу подкопались баламуты.

Ходила Дуняша на Зацепу, против рынка видала портрет самого главного губителя, в очках на нитке, смотрит в бок, ухмыляется через бородку—сколько загубил, Ирод этакий. Слыханное ли дело, чтобы карточки и те с печатью антихристовой, так и прожигают руки нечестивые письмена. А тут еще носи их в лавку на груди, к сердцу поближе, чтоб не выкради, сокровище какое. Отец Афанасий и не то говорил—нечестивцы мощей святителя Фрола коснуться осмелились, но не допустил господь—послал на глаза затмение. Которые монахи и достойные молящички узрели телеса нетленные и из чрева проросший златоносный знак. А саранча рыжая только и увидала, что чучело с паклей.

Все знает Дуняша, и как Никола на Спасских ласкудную пелену прервал, и как святая голубица с Чудова влетела в нечистое становище и крыльшками повергла каменное идолище усатое, громадное, коему отрекшись поклоняться должны все переписанные. И ее, Дуняшу, переписать хотели, так она в чуланчике с углем на черной лестнице упряталась, всю ночь пролежала, чихнуть не осмелилась, лишь внутри повторяла «отче наш».

А с четверга прошлого—новое горе. Гостиную Брызновых нехрист большевик, гуляя по лестнице, мимоходом рэквизнул,

Голосочком молоточек попросил, рожи тотчас по стенкам весил, а икону—не выдержал—убрать приказал, от ликов мы и Демьяна дух захватывало у семени бесова. И жена низкоутробная могла породить такого блондини гада. А то еще: уставится на Дуняшу желтыми глазами так что у нее ноги подкашиваются, и шопотком завлек: погибель: «Товарищ, кипяточку бы»... Знает Дуняша послап к ней гонец адов, искуситель последний, к вел мукам и говится.

Вот сдобралась, пошла к Квачке судьбу поп свой паек,—четверку песку, принесла. Квачка сразу по главное, а именно коту желтоглазому, точь в-т блондинчик, крикнула: «брысь, бестыжий, изведе из обилишь, наблудил, пузан, кружну молока выла кал, можно сказать, слизнул, да не расчихался». Потом, плюон кончики пальцев, колоду разметнула веером, и не вываюсь в карты, одну выхватила, затопала, топ, тои месте, заходила, голосом из живота, в ухо Дуняше ду «Судьба твоя—бубновый валет, к последнему искусу гото

Кто не знает, что бубновый валет карта мирная, хор веселье хлопоты означает. Но Квачка на то умна и хи карты мозоли не зря натерла, не на карту смотрит, а к куда-то, ничего от нее не скроется. Объяснить же Д не захотела, ругнула только на прощанье: «песок жо подмокший».

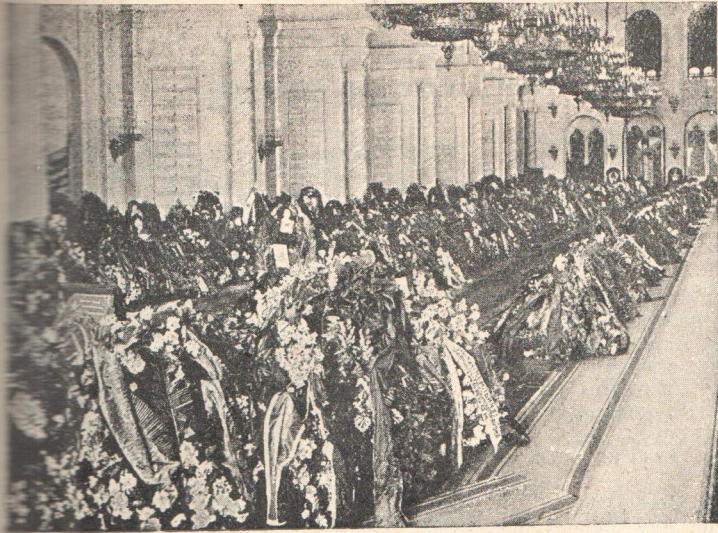
Дуняша всю дорогу думала—как понять трудную Бубны масть ясная, божья масть, не пики-же какие-ни Васи на сердце бубен, да хранит его заступница. А вал на жильца недоброго смахивает, усики—крысьи хво От кого же судьбы ждать: от голубка своего весточки от этого, коготь черный, карточку припечатанную.

А проходя мимо Волхонки, увидала Дуняша нов: кость. Со стены глядел голый мужичище густо кубовый красных пятнах, будто в аду его раки клещами пилали, пуна у него рос третий глаз большущий и рыжий. Грешн

Ленинские дни. Казань.

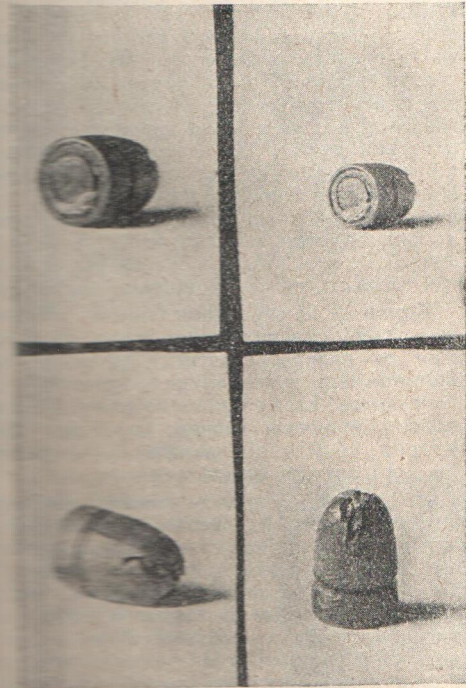
Фот. И. Анд

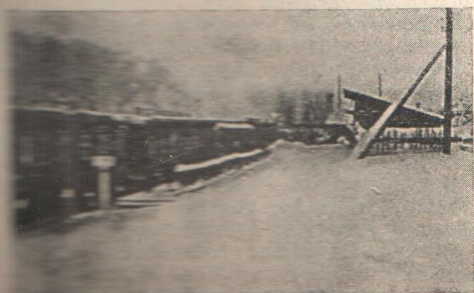
Все венки, возложенные на могилу В. И. Ленина, в настоящее время сосредоточены в Большом Кремлевском дворце. Они заполняют зал и расставлены в пять рядов во всю длину громадного Георгиевского зала. Всего венков насчитывается до 1000. Выделяются: своей непосредственностью — сделанный из простых древесных ветвей венок багряков Бахмутского округа с примитивными портретом Ильича и гирляндой, и оригинальный венок — эффектно сделанный из частей машин и других вещей: завода «Мотор», Мастинжарт и 23-ей Харьковской стрелковой дивизии.

На венках надписи на 51 языке народов всего мира: киргизском, бухарском, уйгурском, цыганском, бурятском, узбекском, кабардинском, грузинском, якутском, азербейджанском, украинском, армянском, татарском, осетинском, зырянском, якутском, калмыцком, чеченском, дагестанском, древне-еврейском, индонезийском, ассирийском, таджикском, туркменском, малайском, батавском, уйгурском, индийском, русском, немецком, французском, английском, чешском, польском, голландском, турецком, итальянском, латышском, румынском, эстонском, греческом, санскритском, корейском, бенгальском, арабском, египетском, китайском и японском.

Кнопки, которыми был одет В. И. Ленин 30 Августа 1918 г.

4 часа дня 27 января 1924 г.

Остановившийся поезд.

ки свои из домкома попросил: «взять, а ему, мол, некогда, на комиссии спешит. «Вы уж, товарищ, за меня распишите в конторе»».

Смеялась Дуняша — подступает. «Я, господин, то-есть товарищ, этому не обучена вовсе». — «Как», — «Да, так просто. В чистоте соблюла душу». — «Вам, товарищ, тогда в Ликбес пойти придется». — «И гвоздики ваши под ногти забейте, воля ваша, к бесу на поклон не пойду». — «Смеялся блондин веселый уж больно, объяснил, не к бесу идти нужно, а в школу, такое постановление Ликбеса, то-есть «Комиссии по ликвидации безграмотности». Ученье свет, вот что. Сам он тоже неученым был, из дому бежал, книжки читать начал, до всего допер своим собственным. Вот и адресок школы, недалеко, на Коровьем валу, в бывшей чайной Янтарева (помер Пров Тихонович, недожил до поруганья этого). Дал записочку, пригрозил — «сами не пойдете, милицейский с ружьем поведет». Кинулась Дуняша к Брынзовой: «барыня, голубушка,

печатник. Вкруг картины народ толпился. Подошла Дуняша: «Что, мол, здесь произошло». А старичек очкастый, знает его Дуняша, был он прежде сидельцем в Охотном, степенно прочел: «Выставка Бубновы В а л е т». И пояснил в снихождении: «это и есть ихний водитель». Услыхала Дуняша, не упала на землю, не вскрикнула даже, помолилась в душе, чтобы скорее судьба пришла, не томила бы так. Ибо знала ныне, что неминуемо грядет.

И точно, на следующее утро все началось. Блондин позвал, так, будто незначай, карточ-

Открытие памятника В. И. Ленину.

В Богородске 22 января был открыт памятник В. И. Ленину. Во время торжества открытия ц ишло известие о смерти В. И. Ленина.

кие, залежалые, а наверху, как в балагане мерзкое изображение выведено, а под ним

4 часа дня 27 января 1924 г.

В момент погребения В. И. Ленина на всех путях Союза ССР на 5 минут приостановилось всякое движение. На нашем снимке поезд, идущий из Польши в Москву по Александровской железной дороге и остановившийся на эти 5 минут у разъезда Верхушково в 30 верстах от Москвы. Среди вышедших из поезда пассажиров итальянский коммунист Николо Бомбаччи с сыном и сотрудники полномочного и торгового представительств СССР в Польше, везущие венок на гроб В. И. Ленину.

ка меня. Так то и так то». Брынзова гама струсила: «ты меня брыней теперь не зови, «товарищем» что-ли, неровен час, живо скрутят. А помошь тебе я не могу. У меня, глупая, в сейфе брошка провала, восемнадцать каратов, вот как. Да что тебе, не в чеку ведут — в школу, делать нечего — иди, учиться не учись, а сиди тихохонько в углу и всячески потворствуй».

Что-ж, пошла Дуняша, от положенного не укроешься. Глядит: сидят бабки, старенькие, мшистые, у одной зуб на верхок вбок пророс, у другой из уха рошица кудрявится, старички С тихень-

Призрак в польском сейме.

От нашего варшавского корреспондента.

В громадном рекреационном зале большого мариинского института для благородных девиц, где теперь—кулуары польского сейма, шумно и некурено. Только что кончилось заседание, во время которого, коммунист депутат Круликовский крикнул с трибуны Сейма на всю Польшу:

Ланцуцкий.

— Вы можете мне не дать говорить, но вы сами чувствуете, что призрак коммунизма бродит тут среди вас в Сейме. Последнее слово принадлежит нам, коммунистам! В ответ на речь Круликовского полетели бранные слова и истерические возгласы 442 буржуазных депутатов Сейма, часть которых бросилась со стиснутыми кулаками к трибуне. Председатель вынужден был прервать заседание.

— Пять минут господам депутатам, чтоб прийти в себя...

В кулуарах появились два, неразлучных на фоне Сейм адруга, Ланцуцкий и Круликовский. Я воспользовался этим, подошел к ним. Представился. Интересно их на ходу.

— Как вы себя чувствуете в буржуазном парламенте?—задаю первый вопрос. Отвечает Круликовский.

— В Сейме чувствую себя не лучше чем в тюрьме, из которой меня выпустили для исполнения обязанностей депутата. Утешаю себя мыслью, что с этой трибуны нас слышит, несмотря на вой в Сеймовой зале, в то время когда мы выступаем,—вся рабочая Польша.

— А насколько вы пользуетесь привилегиями народных избранников?

— Постольку, поскольку это угодно полиции, которая больше значит в буржуазной Польше, чем писанные на бумаге конституции. Делаем, однако, что можем. Народ мы не обидчивый.

— Как относятся к вам коллеги по Сейму?

— О, уверяю вас, что многие здесь нам завидуют. С нами заодно тут значительно больше лиц, чем это кажется на первый взгляд. Многие перешли бы к нам, если хватило на то гражданского мужества, но те еще больше нас боятся, чем искренние правые, до которых нам, впрочем, очень мало дела. Как я вам раньше уже заявил, не для них мы находимся здесь.

— Еще один вопрос. Как вы думаете, товарищ Круликовский, по истечении вашего депутатского мандата опять пойдете в тюрьму?

— Я думаю,—смеется Круликовский,— что если до этого момента у нас не будет рабоче-крестьянского правительства, то буржуазия не простит мне ни одного не-

досиженного дня из тех трех лет тюремного заключения, к которым меня приговорили.

Я пожелал тов. Круликовскому, чтоб ему не пришлось больше отсиживать в тюрьме и распрощался с ним.

— Очень рад с вами познакомиться.

За это стереотипное «очень рад» я был тут же наказан.

— Охотно верим. Нам часто приходится здесь, в Сейме слышать эти слова. Вам однако, мы верим, что это искренне.

Мы расстались.

Когда я проходил по рекреационному залу б. мариинского института, некоторые депутаты кинулись на меня. Может быть они думали, что за короткое время разговора Круликовский и Ланцуцкий успели продать мне всю Польшу вместе с окраинами за большевистские червонцы. О, червонец! Он в Польше пользуется хорошей репутацией...

И. Мечиславский.

Круликовский.

девченка юркая, стрижка и в военной куртке, бесстыдница. Идет же во все нехорошее. Девченка ручкой машет, как жезлом, а богadelки и старцы смиренные за ней гнусавет: «бы...а...ба...» Почести то идолу воздают.

Сидит Дуняша и трясется—в своей плоти в преисподние вошла. А девченка к ней: «Вы, товарищ, новенькая. Повторите—бы...а...» Вскочила Дуняша, истосно завопила: «Не подведете меня к присяге. Смерть приму, а сквернословить не

стану». Любила Дуняша чистоту до нелзя—наследить в комнате за страшной грех почитала. На что кротка со скотам бжца, а и то кота Муразу утопить хотела когда он в кабинете, на персидском ковре лжку напрудил. Но здесь не стерпела—прямо в середине плюнула: «отрекаюс от царствия вашего. Знаю теперь, кт водит вами—у нас на Успенском поселися. Так что терзайте меня, а в Бу! нового Валета этого, в ушища его тухлы три раза плюю». Прокричав—выбежал.

Домой не пошла. Дома блондин. Небос все знает, схватит печать свою, привлечает за волосы и погибла душа без покаяния. Нет у нее орудия, кроме крестнательного, слова такого не знает. Вспомнила о приятеле давнем, советчике премудром, об Иване Кузьмиче. Хоть далеко Доргомиллова мигом добежала.

Иван Кузьмич прежде золотопившем был эполеты делал, на звездочки умилялся—«премудрость небес, маяк волхвов, умением своим на плечи достойные низвожу. После же, как пошли бунтовать, ког скатились золотые звездочки с погон по ледного генерала—вспланил, но не во роптал обратился к светилам нетленным и занялся апокалипсисом. Никто лучше его толковать не умел и кладезь распечатанный и Жену, облаченную в Солнце всех коней по череду. Утречком скупил он у рабочих завода Гивартовского крдене дрожжи и продавал их на Смоленском. Вечерами же толковал и советовал. Рассказу Дуняши Иван Кузьмич силы обрадовался: «В среду запрошлую видя уже предзнаменование, хоть и не русог а черного, как уголь, но твоего душегуб. Знаю многое и тебе открою. Ты, Евдокия, Юдиф, словом божьим сокрушишь Олферна, кой в мерзости и блуде пресмыкается. Державу спасешь российскую, святую церковь оградишь. Готовься, Евдокия, к свету подвижническому, арвенчик вокруг влас твоих».

Встала Дуняша, поклонилась в по«недостойна я сего, Иван Кузьмич, по успешное молочка откушала, грехи довлеи многие».

Советская власть в Сибири.

От нашего новониколаевского корреспондента.

Фот. В. П. Микულიца.

5-ое Сибирское Экономическое Совецание с представителями губерний 4—7 января в Новониколаевске.

Президиум (слева направо): председатель Новониколаевского (столица Сибиря) губисполкома т. Матильнов, пред. Енисейского губисполкома т. Шеханов, пред. Алтайского губисполкома т. Гольдич, заместитель председателя Сибирского Ревкома и председатель Сибирского Коммунистического т. Брынов, глава Сибирского правительства—председатель Сибирского Революционного Комитета т. Лашевич, пред. Иркутского губисполкома т. Чернышев, пред. Ойотского (киргизского) областного исполкома т. Иванов, пред. Томского губисполкома т. Корнев.

кто иной, как чорт. Но не с...
 руками пойдет на него Дуняша. Есть у Ива...
 Кузьмича орудия многие—крестики,
 шпатель, пришептывания, моления запрет...

ночью, крадучись, подступить к дрых...
 ну-му, оголить и водичку окропить, при...
 шептывая: «Во реке Иордани мира омове...
 ние, Саганилу с пришепниками гибель...

как предвидел сие Иван Кузьмич. Глаз...
 открыть не может, только руками машет,
 да орет. С верой в победу близкую, по...
 ступила прямо к нему Дуняша. Но ждало...
 ее последнее испытание, мечь немислимым...
 повис над бедным сердцем. Распахнулась...
 рубашка на груди чортовой, и узрела

Признание Англией СССР.

Фот. Отто Шмидт.

Роберт Хардистон, великобританский торговый агент в Москве, в учинивший...
 Г. В. Чаичину 2-го февраля с. г. историческую ноту о признании и...
 временно назначенный поверенным в делах при правительстве СССР.

Фот. Р.-Р.-N.-S.

Артур Понсби, когда-то видный консерватор, даже паж королевы Виктории, несколько лет тому назад, под влиянием версальского порядка вещей, круто политически изменившийся и примкнувший к левым радикалам. Давний друг России, опытный дипломат, товарищ министра иностранных дел в кабинете Макдональда, первый известный и позд авивший Х. Раковского признанием СССР.

лым портфелем: схемы, проекты доклады весили никак не меньше полпуда.

К щелке дверной прилипли, не дышала Дуняша, ждала пока гад задремать соизводит. А он еще на сон газетку читать вздумал. Прочитав, громко хмыкнул: «Что ж, в Аргентине снова забастовка, мировой пожар начинается», улыбнулся, заботливо стянул платанные штаны, на стульчик положил и нырнул под одеяло. Скоро услышала Дуняша легкое подсапывание, будто младенец в люльке. И чем только они не прикидываются...

Перекрестилась, дверь тихохонько без скрипа открыла, одеяльце отдернула и пошла кропить да пришептывать. Вско-

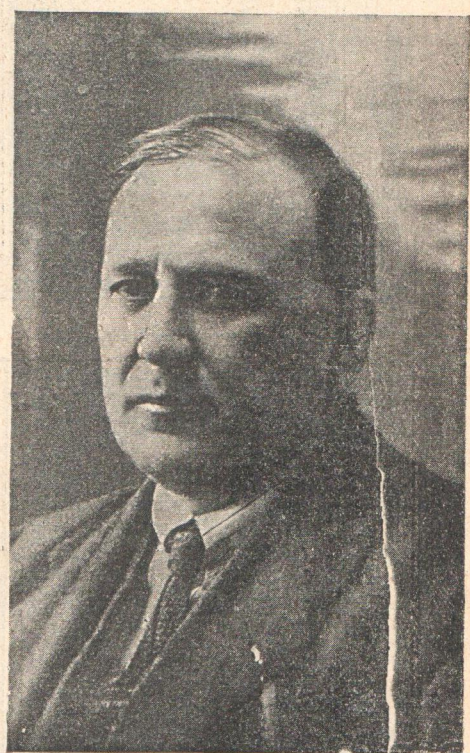
Чорт задрожит, хвостик отвалится, из утробы вой выйдет песьи, а вскоре весь съезжится ежиком и завянет.

Домой пришла Дуняша строгая, ясная, со склянкой заветной Как ни верила Ивану Кузьмичу, но в одном сомнения одолевали—недостойна она, грехами захватана, белизны не хватит покрыть собой зло злейшее. Грешница, маловерка, погибнет, дела не сделав. Чистую рубашу надела—в достоинстве представиться.

Блондин долго домой не возвращался. Сидел он, в своих обязанностях не ведая, на заседании какой-то комиссии, будто Профобра. Сидел и считал, сколько к двадцатье тридцатому году откроют они школ для горняков в Пермской губернии. Посчитав же до конца, прихватив бабки и морду, вынул ткан чай, настоенного на каких-то листьях, что в Сокольниках собирав сторож профбровский, вместе сахара пососал орешку, отдававшую вкусом и селедочным ухом, а засим поделился домой с тяже-

Признание Англией СССР.

Фот. I.-P.-P.-S.

Христиан Георгиевич Раковский, бывший председатель украинского Совнаркома, в последнее время—2-й заместитель наркоминдела и полномочный и торговый представитель СССР в Англии. Его энергией и дипломатическим тактом было значительно облегчено и ускорено, отчасти подготовленное Л. Б. Красиным признание.

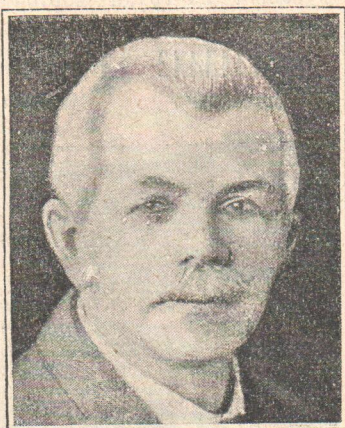
Джеймс О'Грэдди, видный член рабочей партии проводивший в начале 1920 года в Копенгагене вместе с М. Литвиновым первые англосоветские переговоры о военнопленных. Наиболее вероятный кандидат на занятие поста первого полномочного посла Великобритании в СССР.

Дуняша бубен родимый, ею выношенный, крови помета, ее кровной крови. Васька. Сын. Валет. Антихрист. И с нечеловеческим криком, выбежала она прочь, по лестнице с обмерзшими ступеньками, по пустому двору, по улицам,— бог весть куда, от проклятия своего, в лес, в снег, в пекло адское.

Далеко за заставой, под татарским кладбищем, упала она в угроб и стала глотать снег, чтобы погасить страшное пламя. И сн г жег рот, и огненные языки пылающие черви извивались в ее нутре, подступали к горлу, душили старческие, дрябленькие груди. Глубже, глубже зарывалась она в снег, только ноги, в стоптанных, рыхлых башмаках еще торчали, два пнища огнивших, гнилушки проклятые.

И. Эренбург.

Первое рабочее п

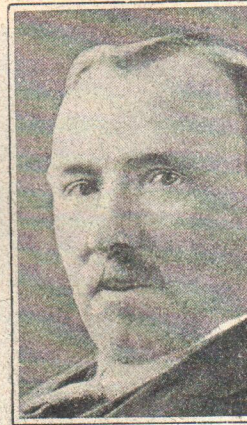
Клайн, лорд— хранитель печати.

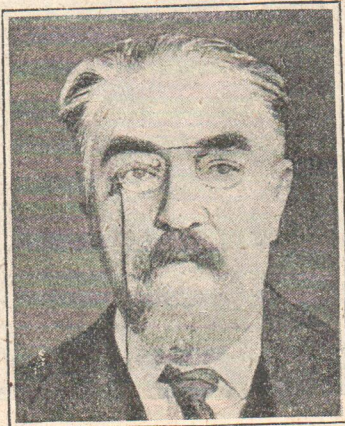
Сноуден—канцлер казначейства.

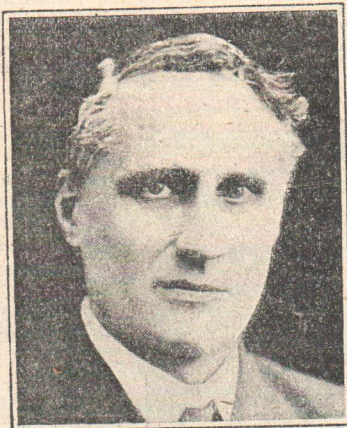
Гендерсон—министр внутренних дел.

Томас—министр колон

Сидней Уэбб—министр торговли.

Гревельян—министр народного просвещения.

Премьер министр—Рамзей Макдональд

Уинли — министр здравоохранения.

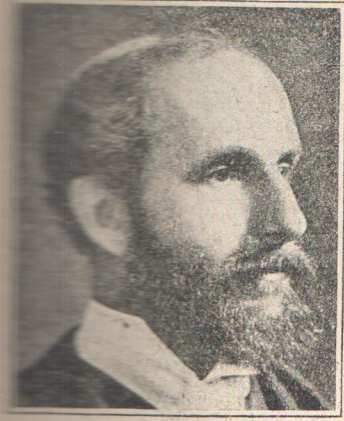

Гарсворн—министр почт и телеграфов. Уэзквуд—канцлер Ланкастерского Герцогства.

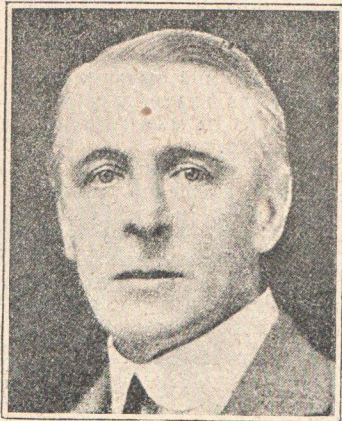

Почти бесшумно, нич-
сторов и гугвернанток, пр-
талам, произошла недав
Кабинет консерватора
на скамьях специальны
управлять Великобритани
и чиновничий аппарат
диалектическим ученым
оолчиями на англ.
Но время, особенн
и раздоры; лидер рабоче
лучил свою мировую вла
своей официальной улы
этикет, поцеловав выс
этого самого рабочего
сняма, ридиться—в уст
было даже угодно все
свое достоинство, дабы
согласно которому—тр
членами верхней палат
Но уже первые дес
соблюдение этих свя
ити пока что навстреч
Шагом, заставившим к
ан подающего руку Л
вавшие симпатии труд
СССР Англией.

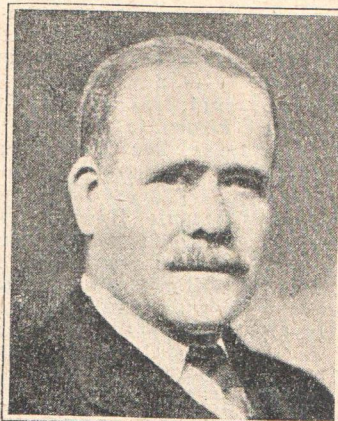
Вителство Англии.

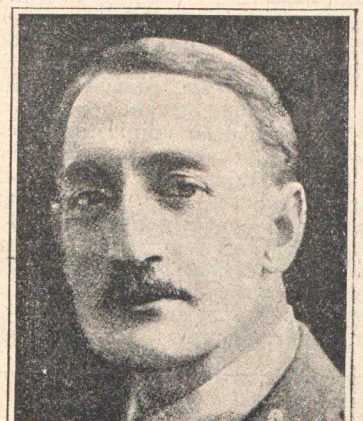
Министр по делам Индии

Чельмсфорд—первый лорд адмиралтейства.

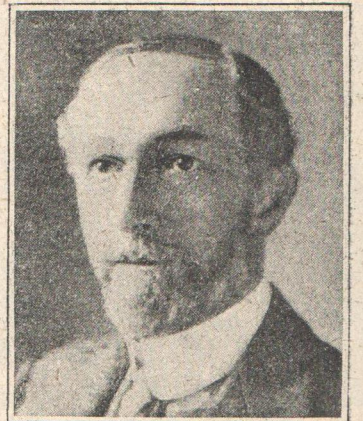
Стефен Уольш—военный министр

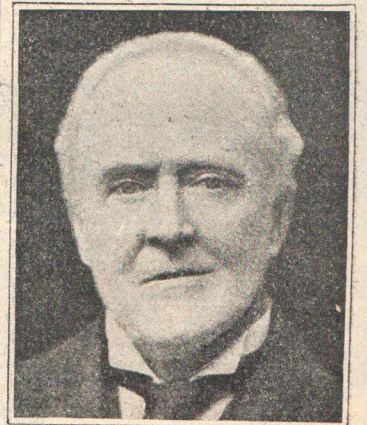
Томсон—министр воздухоплавания

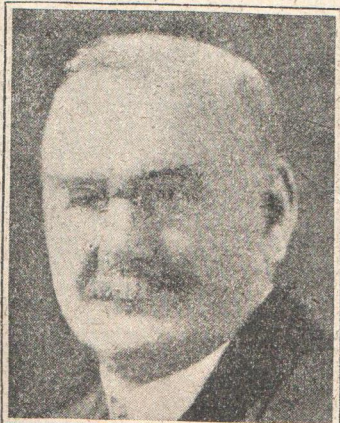
Лорд канцлер—виконт Хальдан (в исторической канцлерской форме)

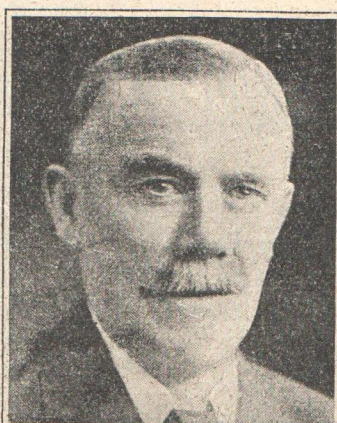
Нозль Бэктон—министр земледелия

Лорд Пармур—президент Совета короля.

Том Шоу—министр труда.

Адамсом—министр по делам Шотландии.

Джоветт—министр общественных работ.

...английских купцов, па-
...по рабочим квар-
...английских правительств.
...десятками лет
...стычках учились
...устанавливать свои кресла
...фермерам и со-
...человеками и писаниями
...Англии, умеряет споры
...Мандональд по
...как это требует
...должностные лица
...из одного нашего
...Королю
...магистров в дортов-
...обличения,
...обязательно является

...показали, что
...новому кабинету
...его в власти народа.
...опасной даже
...явилось, выз-
...премьеру, признание

Закон не знающих закона.

Рассказ Конрада Берковици.

(Окончание*).

Ей было известно, что многие не довольны порядками. Что до Николая, то ведь он — никудышный. Он только и занят, что своей скрипкой. И почему ему не попытаться? Ее рыжеголовой чертенок был сильнее и умнее других. Но он был лишь рабом какого то старика. Почему Мурдо должен приказывать ему, куда он должен идти, и что он должен делать? Почему Мурдо забирает все его деньги? Почему она, Лина, должна прятать от глаз других все те прекрасные подарки, которые ей надавал Минку, а иначе Мурдо потребует отчета? У Козинки теперь больше ожерелий, чем у нее. А какие у нее гребешки, браслеты? А она, Лина, дочь Станку, жена лучшего барышника во всем племени, должна прятать подарки своего мужа,

дней. Пускай они забудут, кто сказал первое слово, — советовала Минку Лина.

Он последовал ее совету, полагаясь на ее способность вести интригу.

— Вот увидишь, мой милый, мой рыжеголовой, что я скоро буду днем, на глазах у всех, ходить в лучших нарядах. А ты мне купишь еще. Вот тогда Козинка обесится.

К пасхе Минку, под руководством Лины, довел дело до того, что все были совершенно довольны Николаем. Теперь уже, когда Минку смеялся над скрипачом, сыном вождя, то мужчины открыто отвечали ему громким хохотом.

В вербное воскресенье Лина дала Минку двадцать дукатов золота из тех денег, которые мать тайно подарила ей в день свадьбы, и сказала,

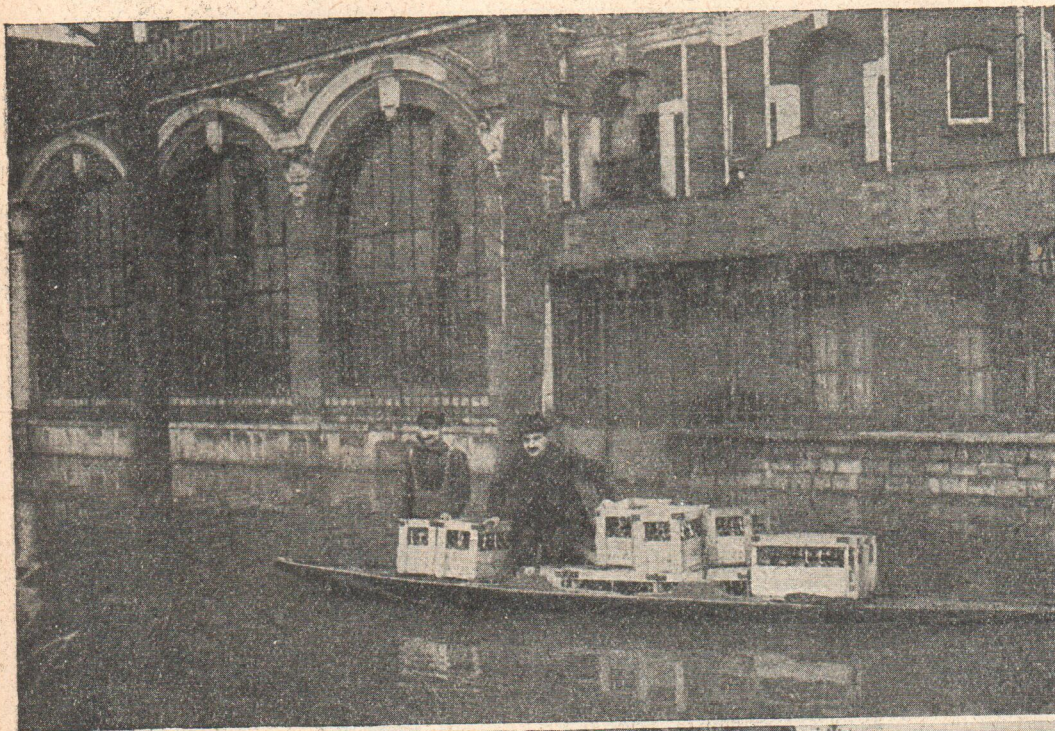
Последний из могикан.

Один из старейших марксистов и лидер германских независимых Лейббур, упо на отстаивающей позиции этой мечущейся фракции, ге манской д-мок-тии, по своим действиям и годкованию Маркса более близкий к коммунизму, чем к половинчатой идеологии «социалистов» типа Носке и Гильфединга.

Парижское наводнение.

Фот. А. Тарлинг.

Путешествие на лодке по затопленным улицам.

потому что все заработанные деньги должны отдаваться вождю. У Мурдо такое было правило.

Целую зиму мучила она Минку. Когда начал таять снег, растаяло и сопротивление Минку, и он стал потихоньку подшучивать над слабостью и безделием Николая.

— Нечего сказать, хороший будет вождь из нашего музыканта, — говорил он, обращаясь к кому.

Дома он сказал об этом Лине.

— Хорошо для начала! — сказала она, подплясывая и целуя его.

На следующий день он доложил Лине, что коваль и молотобоец говорили между собой по поводу того, что он сказал о Николае.

— Верно, верно, — говорили они. — Наш Николай слаб, совсем слаб.

— Пускай наговорятся. Ты не подходи к ним несколько

Улица Парижа, превращенная в канал.

На снимке нашего одесского корреспондента — рабочие 1-ой канадской коммуны в селе Мигаево (Одесской губернии), снятые за обучением военному делу.

Несколько дней Минку опять вернулся из города с золотыми дукатами и подарками для некоторых мужчин и их жен.

В страстную пятницу он принес сразу горшок дукатов. Прежде чем отдать их Минку, он поговорил с некоторыми мужчинами.

— Я думаю, хватит Николаю на новую скрипку. Га?

Этим Минку намекал на то, что Николай недавно купил себе новую скрипку.

В первый день пасхи Лина нарядилась в самое лучшее платье, повесила на себя все свои ожерелья и монисты, на плечи

Белорусское студенчество в Москве.

В знак солидарности и тесного единения между студентами г. Москвы и БССР решено приподнести один художественный портрет в трех лицах: В. И. Ленина, Карла Маркса и Л. Д. Троцкого. Официальная часть закрылась пением интернационала на белорусском языке.

В концертном отделении приняли уча-

Белорусское студенчество в Москве не оторвалось от Белоруссии. Оно живо чувствует и понимает нужды ее и всегда готово вернуться на свои поля для работы и защиты Республики. Оно дорожит внимательным отношением к себе со стороны белорусских органов и с удовольствием, после сухого подчас «руда над учебой», все

Общее собрание студентов-белоруссов Московских Высших Учебных Заведений.

Белорусский хор, белорусская студия, были заслушаны декламации, чтения собственных произведений молодых белорусских поэтов на белорусско-еврейском языке.

В заключении выступила артистка Ирма Козинна, прекрасно исполнив несколько белорусских песен на белорусском языке.

слушает и родную песню своих полей и родную поэзию своего литературного молодняка-брюсовцев — и выступления на родном языке своих вождей, забывая в эти минуты всю тяжесть студенческого житья-бытья. На нашем снимке — общее собрание студентов-белоруссов Московских Высших Учебных Заведений.

накрывала ярко-красную шаль, черные волосы покрыла белой шелковой басмой. Погода благоприятствовала игре ярких цветов. Ранняя весна уже одела зеленым покровом поля и леса. Сегодня лошади уже паслись там, где еще вчера в за-саде сидел волк. Молодежь и старики вы-сыпали наружу, отогревались на сол-нышке после суровой зимы.

Минку и Лина ехали на паре лучших ло-шадей. Он был в широких синих шарова-рах поверх новых лакированных сапог,

ДЕТСКИЕ УГОЛКИ В КЛУБАХ

Фот. А. Шайхет.

Примерка нового пальто.

Мамит клуб огромными плакатами о лекциях, собраниях, докладах, кружках. — аботнику — мать. Грется она в него, с завистью глядит на бездетных или уже выросших детей. Рвется, а детвора, ухватившись за подол старой юбки, тянет назад в квартиру.

Поглядела, одела детей и пришла в клуб с «семейством». Посоветовались заведующий

Детские игры и занятия.

клубом с инст уктором и начали открывать в клубах детские уголки.

И введет работница детей в клубные уголки, иод п иемот опытных руководительниц, а сама на лекцию, в кружок «поднимать собственную культуру».

Тепе в эти детские уголки создаются во мно-гих Московских абочих клубах.

Тепе в аботница может посещать клуб. Тепе в она не беспокоится за сынишку во в время об-ан ия.

в расшитом серебром камзоле, поверх шелковой рубашки, подпоясанном красным шелковым кушаком. На ней было множество шелковых юбок разных цветов, все-немного выше колен, на ногах новые лакированные ботинки. Руки от пальцев и до локтей были разукрашены кольцами и браслетами разных металлов и форм: серебряными «змеями», золотыми браслетами с тигровыми мордами, плетеными медными кольцами, широкими фидеграновыми запястьями. На шее висели салбы золотых дукатов, длинные серьги касались плечей.

Лина постаралась сделать так, чтобы ее увидела Козинна.

Целый день Минку и Лина разбегзжали

„Последний пророк капитализма“

в возможность сознательного великодушия. Уже первые недели версальских заседаний обнажили тигриную хватку 50 лет доживавшейся рванши Франции, испуг Англии перед чьей-нибудь конкуренцией на море, а равно и полное бессилие самого Вильсона. Вмешавшийся, при полной апатии своего народа, в европейские дела, заставивший Америку вступить в войну, пядь за пядью уступивший в своих миротворческих требованиях, побежденный вековой дипломатической мудростью Ллойд-Джорджа и Клемансо, — американский президент возвратился за океан отнюдь уже не с лавровым венком вокруг чела. Толпа народа, выпрягавшие коней из вильсоновского экипажа при его проездах в Версаль, благословенно уверовавших в американского «спасителя» вдов и ослепших сидельцев, уже не участвовали во встрече осмеленного всем миром заурядного университетского профессора.

Нажившиеся на войне биржи и бачкиры и считавшие не захотели о дальнейшей поддержке европейских авантюров Америки; как только по требованию возмещенное Вильсоном проявление американского человеколюбия, помощь обогатившей Америку Европе вступление Америки в лигу наций, действия вместо создавших всеобщее доверие к Америке слов. — в защиту и поддержку Вильсона панглось уже очень мало голосов.

Финал известен. — Америка в лигу наций и вступила. Вильсон был оставлен и банками и народом, его, способная еще ситотить запутавшийся в национальных захватах капитализм, проловель — не была поддержана, встретила достойный разоблачающий ответ в знаменитой советской на сквозь деинской ноте Вильсону. Нового избрания в президенты не последовало, раздутый американский подитик бесславно окончил свои дни.

люди всех четырех племен встретили их с почетом.

Мурдо следил, как они сходили с повозки — Поди-ка сюда, Минку! — резко сказал он.

Минку завертелся на месте, пойманный между взглядами жены и вождя. Лин ожидала от него протеста, Мурдо — подчинения. Мурдо также уловил взгляд Лини.

Медленно, нехотя, с опущенными глазами подходил Минку к вождю. Мурдо мерил его презрительным взглядом. Молчанье казалось зловецим.

— Откуда все эти украшения и салбы на твоей жене, Минку? — спросил он, на конец.

Минку мог сказать, что они принадлежали Лини, были подарены ей матерью. Он даже имел намерение так ответить, и вместо этого сказал:

— Я накопил.

— А кто позволил?

— Я за свои деньги... я сам заработал... или все деньги я должен отдавать тебе чтобы Николай покупал новые скрипки

То, что он сказал, было просто повторением слов, преподанных ему Лини.

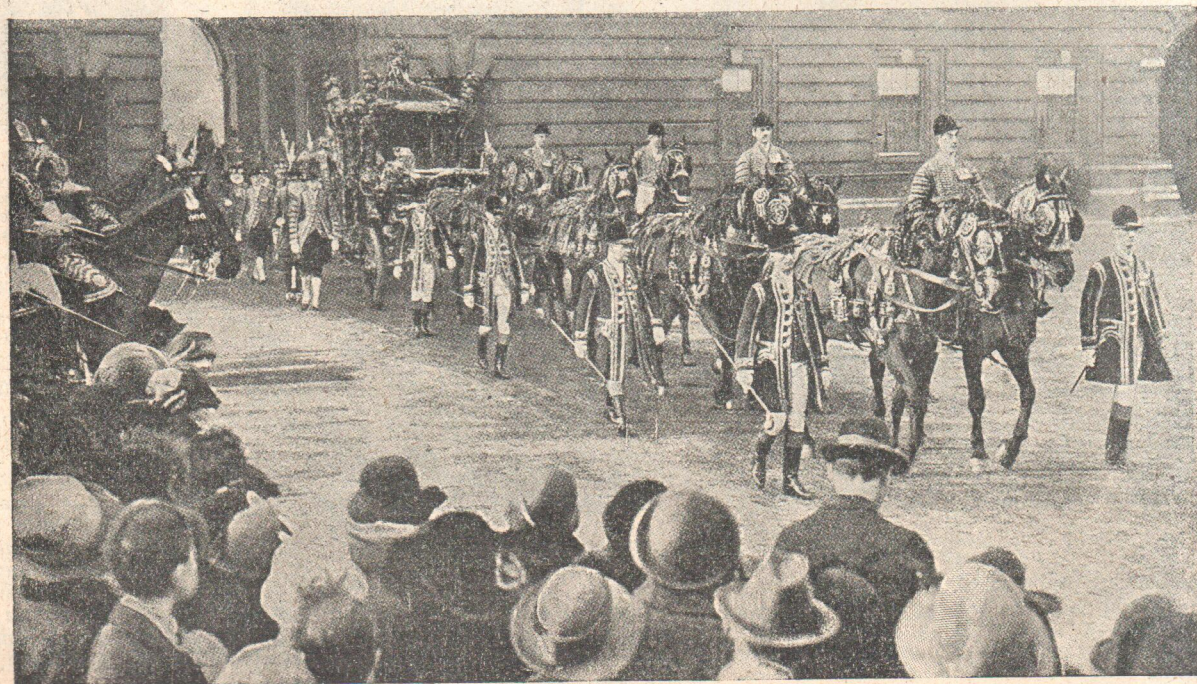
Вудро Вильсон, бывший президент Соединенных Штатов Америки, губернатор Штата Нью-Джерсей, ректор колумбийского университета, недавно благополучно, дожив до полного крушения всех своих планов и идей, скончался.

Одно время самый модный человек вселенной, творец абстрактнейших и утопичных «14 пунктов», Вильсон заставил изможденный войной германский народ, а за ним и весь мир — поверить

Самый простой вид транспорта.

вместе. Они ездили в город, где все обращали на них внимание. Даже старожилы не могли припомнить ни одной пыганской пары, которая была бы так богато одета. Они останавливались в трактирах, на базарах, весело болтали с крестьянами и горожанами. Накупили крапешных яиц, больших, похожих на палочки, конфет, вафель, игрушечных сахарных свистков. Лин плясала с крестьянами «горю». Возле танцевального круга стояло много цыган и красивых пыганок, но ни одна из них не осмелилась плясать с крестьянами. Не было такого обычая.

Весть о прогулке Минку с Лини распространилась по табору. Когда они на заходе солнца, наконец, показались на дороге из города,

Король Георг V-ый следует в традиционной раззолоченной карете, запряженной девяткой лошадей для произнесения в парламенте, составленной кабинетом Болдуина, тронной речи. Как известно, речь была провалена вместе с Болдуином. Стоило запрягать девять лошадей!

Сенаторское доение.

— Что? — заревел Мурдо, хватаясь за рукоятку длинного ножа, который он носил за поясом.

Но Минку это предвидел. Его рука быстро мелькнула в том же направлении, что и рука вождя. Крепко схватил он руку Мурдо у рукоятки ножа.

— Ага! Так вот оно что! — воскликнул Мурдо, и рука его сразу опустилась. — Эх, тут нужен не нож. Мой дед Люпу сделался вождем этого племени, через арапник. Сегодня в полночь, — обратился он ко всем, — мы с ним уйдем в лес с арапниками вместо оружия. Обратное вернется только один: правитель. Слышите? Слово мое — закон.

Повернувшись, Мурдо медленно пошел к шатру.

Арапник! Это было самое ужасное оружие, которое только мог придумать Мурдо. Весть об этом облетела плыган с быстротой степного огня. Станку, отец Лины, отправился к Мурдо для переговоров.

— Страшно, дружище... Придумай что-нибудь другое.

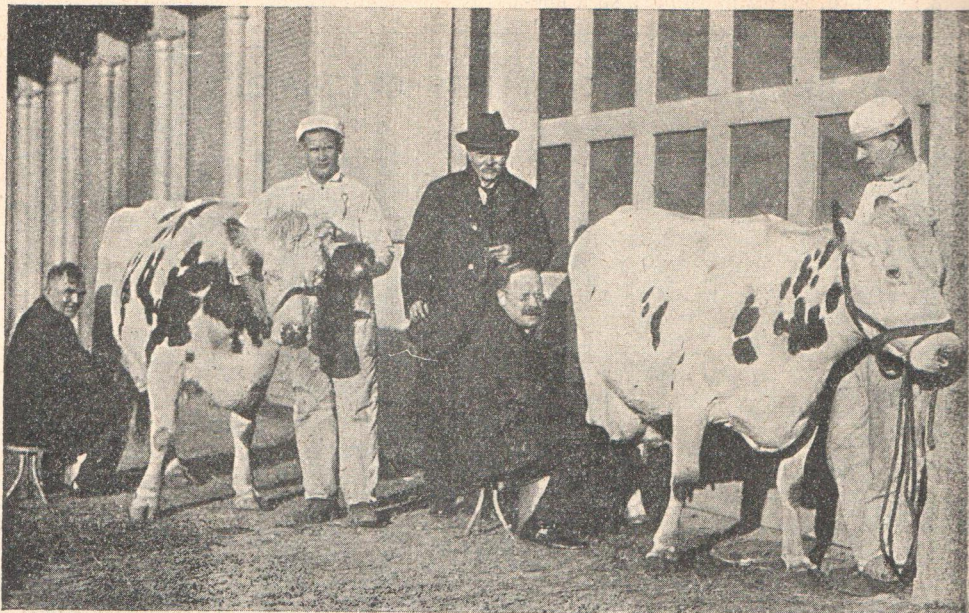
РАДОСЛАВОВ.

Много раз светившийся болгарский премьер, сейчас подготавливающий возвращение бывшего царя Фердинанда на болгарский престол.

— Это не наказание, Станку, а спор. Он хочет быть вождем. Более сильный из нас и будет вождем. Он молод и силен. Мой дед, мой *стремощ* Люпу, получил звание вождя через арапник. Тем же оружием и я буду защищать это звание.

Говоря, Мурдо спокойно смазывал дегтем страшный арапник, который делал ручной самую упрямую лошадь. От Мурдо Станку пошел к до-

Д ут Советской России, оплот американских фермеров, популярный американский сенатор Хайрам Джонсон (*) снят на этой фотографии за своим любимым занятием и со своей любимой... коровой.

Минку посмотрел на нее. Чего он только уже не сделал для этой женщины! Убил Стефана, лгал своим друзьям. Обманывал вождя. Смеялся над Николаем. А теперь готовится к бою с вождем. И к какому бою! На арапниках! Ему случалось видеть, как Мурдо иногда применял арапник. Там, где ложился удар, открывалась глубокая бороздка. Удар пробивал толстую кожу и мясо лошади до самой кости.

Минку достал свой арапник. Юношей он выплел его сам из бычьей кожи. Славный был кнут! Он гордился им в юности.

Даже лучший *гямбаш*, барышник, завидовал такому кнуту. Он был очень искусно выплетен. В девять полос. Короткая рукоятка также была оплетена ремнем. Удобно и легко держалась она в руке.

Но Мурдо! Его рука, его стальная рука! И Минку прекрасно знал, что Мурдо, несмотря на его годы, телом был моложе молодого.

Пока он сидел и размышлял, Лина старалась его утешить. Да разве он не чувствовал, что он рожден быть вождем? Разве он мог допустить, чтобы его дети

чери. На ней все еще были все ее наряды.

— Это твоя работа, паскуда! — закричал Станку.

— Я — дочь вождя, мой муж тоже должен быть вождем.

— А ты, Минку, что скажешь? Если ты сделаешься вождем, то ты думаешь, что, кроме меня, никто и не будет анать, что ты — раб своей жены? Проживи ты пять веков, не приобрести тебе мудрости Мурдо. Пойди к нему и при всех попроси прощения, и тебя все будут уважать, хотя ты и не будешь вождем.

Так говорил Станку мужу своей дочери.

Но Лина набросилась на отца и заставила уйти. Старик, пожимая плечами и бормоча: «змея, змея», покинул шатер.

— Не бойся, Минку, мой рыжеголовый чертенок. Ты вернешься живым и будешь вождем. Я приготовила пластыри и мази, которые отнимут у твоих ран всю боль. Ты их не будешь и чувствовать, — нежно ласкалась Лина.

Вторичное землетрясение в Японии.

Японский снимок.

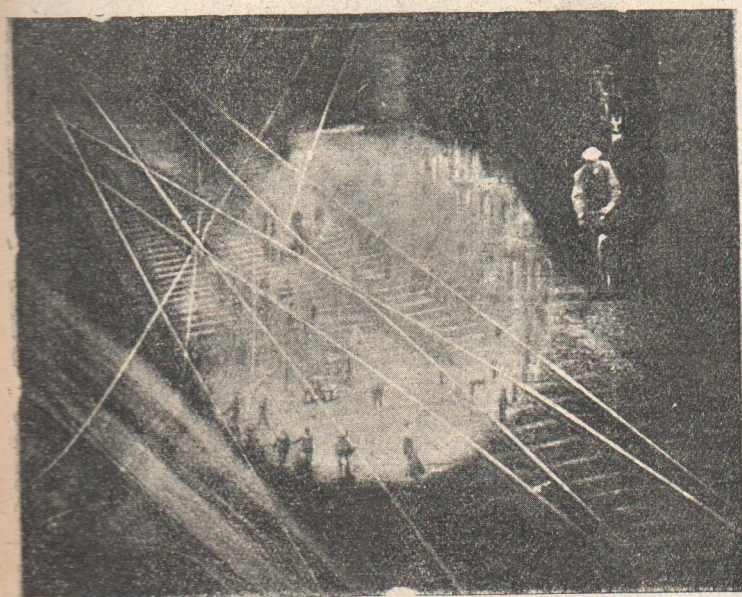
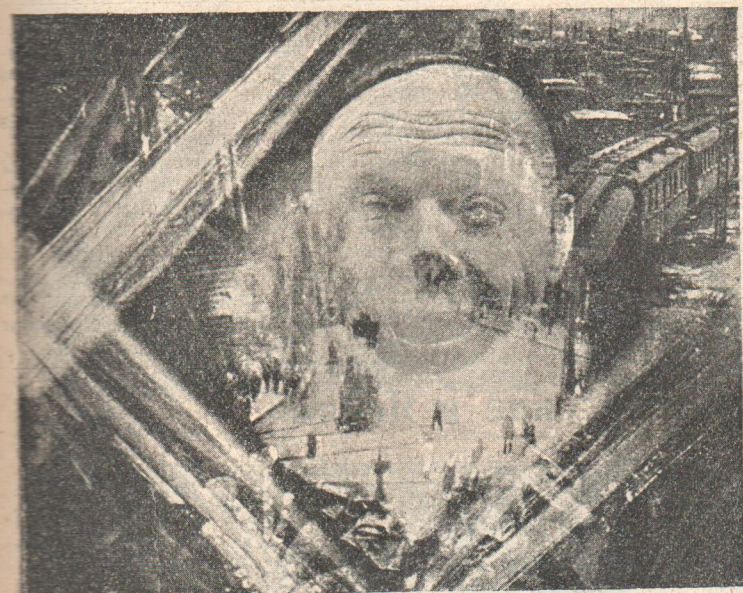
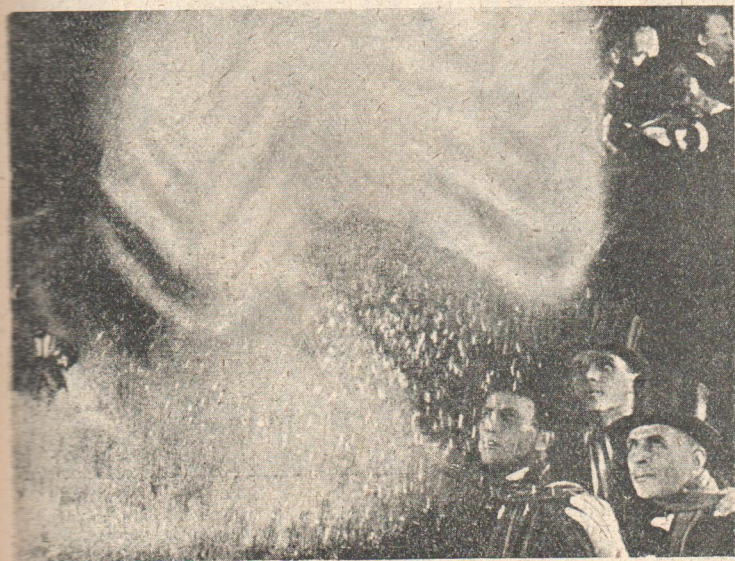

Импровизированная школа на развалинах Токио, где продолжается, прерванное катастрофой, обучение детей.

были рабами такого дурачка, как Николай? И разве ему было неизвестно, что Козинка собиралась выйти замуж за Николая только для того, чтобы презирать ее и вре-

дить им и их детям, когда Николай делается вождем?

Первая экспрессионистская фильма.

Наше видение, в котором смешаны: концерт, недоступный интеллигенту, Феде, и кто-то, кто сжигает для людей в цилиндрах и в отдалении на сельском ландшафте на а влюбленных, тихо мечтающих о любви.
Наше видение, в котором соединены: вокзал с массой поездов, улица го оза, вад-ленная движением, вход в танцевальный зал и над всем этим — глухая хаяя недоумевающего человека.
Видит — кошмар большого города, вход в здание на площади, масса на- Визит — кошмар большого города, вход в здание на площади, масса на-

В полночь двое мужчин, обнаженных по пояс, с арапниками в руках, направились к лесу. Ночь была ясная и теплая. Пад верхушками голых деревьев по теплему голубому небу плыла холодная луна. Как только мужчины скрылись в лесу, цыгане разложили костры и уселись кругом. Сперва тихо, затем все громче и громче начали

петь они заунывную, плачевную песню. По мере роста напряженности и тяжелого чувства, песня становилась громче, ее ритм слабел, пока она не превратилась в какой то вой, в дикий истерический крик, вырывающийся из наболевших грудей.

Один табор старался превзойти другой. Собаки выли, женщины плакали, мужчины кричали, коровы мычали и даже лошади ржали.

Медленно текли часы за часами. Кто не мог уже кричать, или выть от хрипоты, тот, схватив кастрюлю, начинал колотить в нее кулаком или палкой, кружась в безумной пляске вокруг костра.

Время от времени доцарялась полная тишина, и тогда кто-нибудь возвещал, что он слышал крик в лесу, свист кнута. Но всякий раз тревога оказывалась ложной. То был просто свист ветра. Крик птицы в лесу. Спугнутая лисица.

На рассвете костры были потушены. Все примолкли, устремив взгляд на опушку.

Россия под «развесистой клюквой».

Бульварная пьеса «Эмигранты» на сцене второсортного берлинского театра.

В Ленинградском театре «Кривое Зеркало» лет 8 том назад был поставлен шарж высмеивающий европейское представление о России и в частности заграничную моду на все русское. На сцене все время говорилось о «развесистых клюквах» самоварах с водой на место углей и прочих «подробностях русского быта» в парижском его преломлении

Теперь заграничные театры удовлетворяют все еще продолжающуюся моду на русское искусство, пользуясь продуктами эмигрантской фабрикаци Настоящая Россия несколько не отражена в этом репертуаре В лучшем случае даются аллегории, сцены «прекрасных» помещичьих времен, дабы русские посетители театра могли погрузиться о далеком прошлом когда они еще являлись хозяевами Руси

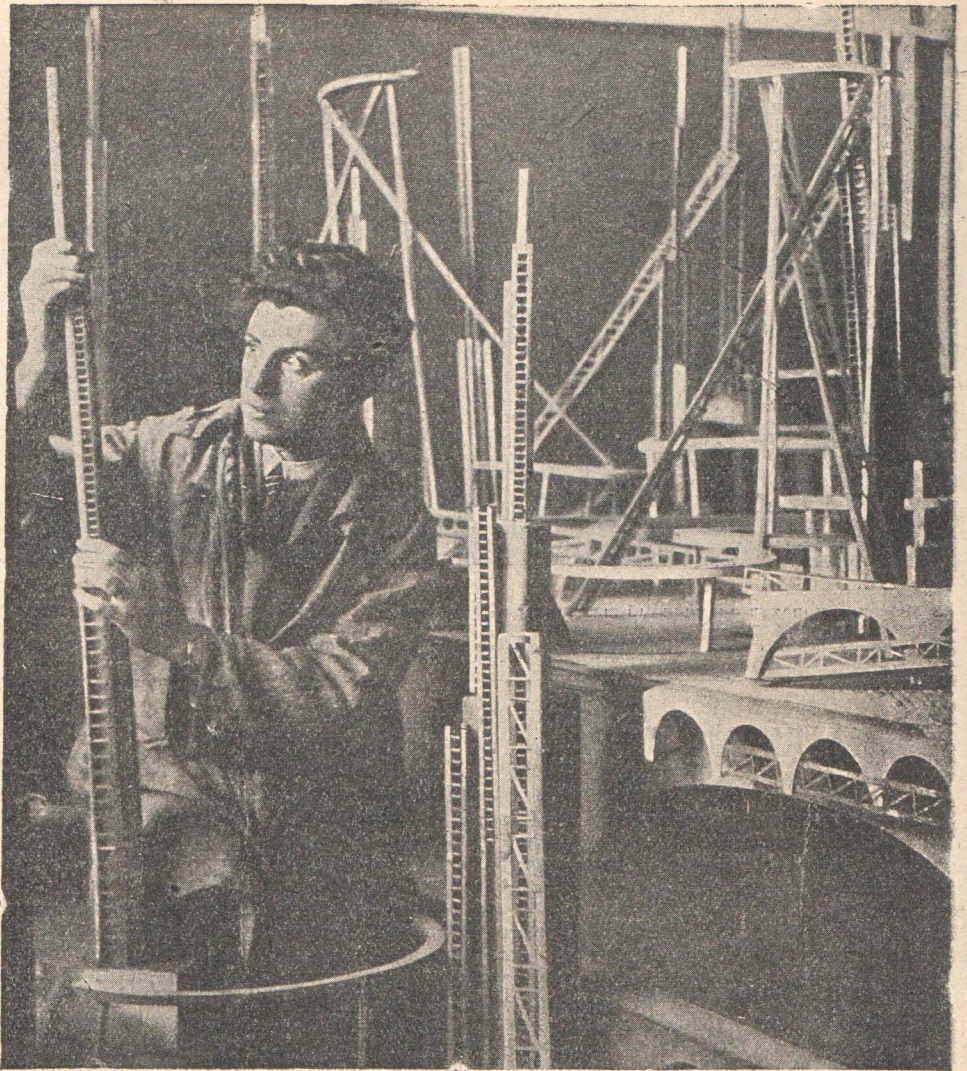
«Любовь — книга золотая» Алексея Толстого во франкфуртском драматическом театре. — Сюжет времен Екатерины

Германия первая начала работу в области кинематографических исканий. Режиссер Альфред Винне поставил картины «Кабинет доктора Каллигари» и «Раскольников», которые были левыми по декорациям, применившим последние достижения живописи в кино. Но эти картины Винне были только формально левыми. И лишь сравнительно недавно в Германии же закончена фильма «Улица», поставленная германско-венским режиссером Груне. Эта фильма лева и, применяясь к терминологии современного направления искусства в Германии, экспрессионистична.

Все декорации к картине писал известный художник-футурист Карра. Фильма поставлена германской фирмой «Штерн»

Руководитель Ленинградского Госиздата
Н. Ионов.
Один из первых поэтов-коммунистов на
культульном фронте, за успешную работу
получивший ордена «Трудового Знамени».

Художник И. Рабинович за работой макета для кино-фильма «Аэлиты».

Как только взойшло солнце, из леса, по-
шариваясь, вышел Мурдо, весь окровав-
ленный, с кнутом в руке, с кровавой поло-
сой на лице. Взгляд его сразу упал на
Лину. Долго, пристально смотрел он на
нее, внезапная мысль осенила его. Все
еще разодетая стояла она у своего шатра.
В два прыжка старый, окровавленный
вождь был перед ней.

— Ты, кажется, хотела быть женою
Мурдо?.. Чего молчишь? Так вот... пред
тебой непобедимый вождь, но только...

И, срывая украше-
ния с шеи и ушей
Лины, он кричал гро-
мовым голосом:

... сбрую долой,
шелка долой, вот так,
вот так, вот так! —
и, размахнувшись изо
всей силы, он про-
тянул ее арапником
по голому телу. —
Попробуй и это!...
узнаешь, как сладко.

И, повернувшись к
другим, закричал:

— Пляшите, ве-
селитесь! Сегодня
свадьба Мурдо!

И все плясали и
веселились целый
день. А Лина при-
кладывала примочки
и пластыри, приго-
товленные для Мин-
ку, к ранам своего
нового мужа.

В своем шатре пла-
чала Козинка:

— Лина выиграла.
Даже проиграв, она
выиграла.

Перевод с английского

П. Охрименко.

„Шахматный Наполеон“ в Москве.

Фот. Отто Шмидта.

В Россию приехал знаменитый шахматист д-р Ласснер. В Москве он дал несколько сеансов своей игры. На нашем снимке Ласснер (слева) изображен во время игры с одним из лучших московских игроков Ненароковым (Справа у стены стоит страстный любитель шахматов И. В. Крыленко, старший помощник прокурора Республики).

На смычок заграли,
И вот вас ответ на
запрос,

Нас дали жи фигу под
нос»...

И улица тюкает,
аплодирует, хохочет.

Но пока Юдка ведет
программу, никто не уходит
в сторону. Все в
кругу слушают.

В черные дни «безра-
ботицы», когда нет сбо-
ров, Юдка устраивает
«бенефис». Он падает
неожиданно пластом и
«симмулирует».

— Мальчик, что стобой?

— Ой жи о, го-под-
ный...

— Ты беспризорный?

— У мене никого нет.

Сестра в Америку, там
она имеет «автомобиль-
ный магазин». А мама,
так она живет с аме-
риканец... Пу закону...

Одно поражает в

Юдке:—он честный.

Когда на это Юдке

нарекают, он зажигается

стыдом:

«Юдка дивертисмент».

(Из галлерей).

Его знает весь город. От улицы Лассалья до Мизикевича, от Пересыпи, до Молдаванки. Ему едва 14 лет. Он рябой,— глаза наискось и голос хриплый, как у запойного пьяницы.

Паспорта ему не положено. Где-то в дворовой книге Запорожской улицы он значится в графе под № 18:—Юдка Прокопец.

Но город крестил его по своему. И даже не город, а Молдаванка, рабочая окраина и гуца рабочих подвалов,— единственно умеющая давать прозвища, четкие, с рельефом:

— Юдка дивертисмент.

Это подлинное дитя улицы. Квартал его родил и никто его у перекрестка не ограбит. Юдку приотил местный журналист,— он удрал. Юдка перебивал во всех городских интернатах, но бежал.

— Мне било скучно. Уф «турунате», так нам учили петь «Тырнацинал»... А я пелса «Свадьба Шнеерсона»...

Вне улицы нет жизни Юдке. И нет радости. «Помдет» его одел и выстирал, а Юдка любит лохмотья, грязь и виши, круглые, пузатые и теплые.

Лохмотья чудовищные, удивительные. Сложный переплет рвани и канатов. Это, так сказать, его «спецодяжда» Сам Юдка говорит:

— Новый кустюк—на саботу. Разли с него можно работать. Мне жиж надо для «понта»...

— Юдка, чем ты занимаешься?

— Я себе пою.
— А если ничего не дают.
— Ну, так я ложусь на землю и «симмулирую»...

И, если вы пройдете по ул. Лассалья поздно ночью, и если вы услышите голос тонкий и скрипучий—знайте, что он:— Юдка.

Юдка—«артист». Он сам себя именует так:—«мимодиклямагур». Раньше он работал в компании еще с двумя. Теперь он выступает «solo». С утра до поздней ночи шатается по улицам,—выберет любой угол и полным голосом затягивает

Его репертуар, это, так сказать, кино-романсы,— моментальная фотография улицы. Одни названия чего стоят: «Фига-я под нос», «Розочка», «Сапожник Шмиль», «Чисовой майнстир», «Папа, мама шата-мать дай».

Не угодно ли, — из «фиги»: Я спомню, как прежди, Ми жились в надежди, Ми ждали «ностранцы», Французы, германцы, Просили, чтоб все к нам пришли. Ми ждали ни даром, Приехали с жаром, Хлеб, сахар забрали.

Женщина-председатель треста.

Т. Богданова — до революции укладчица напирос. С 1918 г. член правления союза табачников, а с 1921 г. председатель Табтреста. Одна из самых популярных работниц в Ленинграде.

— Пабей мене бог... Что вы говорите Я таки умру и чужой не заберу... Безработные дни, в общем, у Юдки—рекость. Завтра—снова «общедоступник». снова «битковые сборы».

— Юдка «дивертисмент»—на сцене.
Александр Светлов.

Стозерстная зимняя мотоциклетная гонка Москва—Богородск—Москва.

Фот. для «Огонька».

Обильный снег и плохое состояние дороги привели к тому, что из 12 стартовавших участников гонки 3 февраля к финишу пришел только один Давид в 7 ч. 14 м.